

8. Jarmatz Klaus. Träume der Wirklichkeit / Klaus Jarmatz // Strittmatter E. Analysen. Erörterungen. Gespräche. – 2. Aufl. – Berlin: Volk und Wissen, 1980 – S. 217-222.
9. Knipowitsch J. Der Wundertäter / J. Knipowitsch // Strittmatter E. Analysen, Erörterungen, Gespräche. – 2 Aufl. – Berlin: Volk und Wissen, 1980. – S. 201-211.
10. Strittmatter E. Der Laden: [Roman; in 3 B. – 1. B.] / E. Stittmatter. – Berlin: Aufbau-Verlag GmbH & Co. RG, 2009. – 555 S.
11. Strittmatter E. Der Laden: [Roman; in 3 B. – 2. B.] / E. Stittmatter. – Berlin: Aufbau-Verlag GmbH & Co. RG, 2009. – 503 S.
12. Strittmatter E. Der Laden: [Roman; in 3 B. – 3. B.] / E. Stittmatter. – Berlin: Aufbau-Verlag GmbH & Co. RG, 2009. – 477 S.

УДК 82:165.4

Гилязова О.С.
(Екатеринбург, Россия)

ПРОБЛЕМА ИСТИННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ

Стаття присвячена проблемі істинності літературних текстів. Визначаємо, що в силу своєї художності, тобто здатності створювати автономний образний світ, вони, на відміну від фактуальних текстів, є принципово неверифікованими.

Ключові слова: література, фактуальні тексти, верифікованість, квазідійсність, художній вимисел.

Статья посвящена проблеме истинности литературных текстов. Определяем, что в силу своей художественности, т.е. способности создавать автономный образный мир, они, в отличие от фактуальных текстов, являются принципиально неверифицируемыми.

Ключевые слова: литература, фактуальные тексты, верифицируемость, квазидействительность, художественный вымысел.

The article is devoted to a problem of the truthfulness of literary texts. We define, that owing to the artistry, i.e. ability to create the independent figurative world, they, unlike documentary texts, are essentially not verified.

Key words: literature, documentary texts, verification, quasireality, art fiction.

«Что есть литература?», «Насколько истинны литературные тексты?» - эти вопросы до сих пор затрудняет исследователей и не находит своего полного разрешения. Это дает основания Ц. Тодорову отмечать, что до настоящего времени никто не смог дать устойчивого определения литературы. «Согласно первому, отличительная особенность литературного дискурса заключается в том, что составляющие его предложения не являются ни истинными, ни ложными, но создают представление о вымышленной действи-

© Гилязова О.С., 2012

тельности [1: 372]. Согласно же второму определению, отличительной чертой литературного дискурса является сосредоточение внимания на сообщении ради него самого, что характеризует, в терминологии Р. Якобсона, «интровертивный семиозис», неразрывно связанный с эстетической функцией знаковых систем.

Эти два определения не противоречат друг другу, являясь акцентированием отнюдь не взаимоисключающих сторон: первое - вымышленности (что не точно: литературность и вымышленность – коррелятивные, но не взаимозаменяемые понятия), второе – эстетической составляющей (являющейся ценностной категорией), вырастающей до художественности как способности образовывать самодостаточный, автономный образный мир. Ц. Тодоров констатирует ситуацию, сложившуюся в современном литературоведении, более того – в самой литературе (особенно – в постмодернистской), преддверием к которой выступили теории 20-30-х годов XX века. «... В русской и европейской (прежде всего пражской) эстетике, ориентированной на лингвистический структурализм, победил тезис, в соответствии с которым художественное произведение является не непосредственным отражением («отображением») действительности, как считала социологически ориентированная эстетика XIX- нач. XX века, а особым типом высказывания, направленным на выражение самого себя. [В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум, Ю. Н. Тынянов]» [2: 52]. Представление о литературном тексте как об автономном художественном мире, образующем свою квазидействительность (в рамках текстуальной реальности) объединяет в себе оба вышеназванных определения. Особенностью квазидействительности художественного произведения является то, что «состоянием дел», миром, описываемый высказываниями (образами) данного произведения, являются *сами высказывания (образы)*! В этом – онтологическая разница, главное отличие предложений квазидействительности, являющихся ею, от предложений нехудожественной условности, т.е. фактуальных текстов, которые, описывая собою действительность, не являются ею.

Впрочем, внутри вымышленного текста, как квазидействительности, выстраиваемой по критериям обычной действительности, могут соблюдаться требования истинности – в классическом её варианте: как соответствия между планом текстуальной событийности и сообщением об этой квазиобъективности в речи персонажей. Это дает основание Д. Льюису рассматривать художественный вымысел в контексте множества возможных миров, в которых соответствующий мир рассказывается как достоверный факт, что позволяет выделять из этого множества подмножество миров, отличающихся от реального мира в минимальной степени, поэтому утверждения, истинные в каждом из этих возможных миров, считаются истинными и в мире данного художественного произведения. В силу этого Д. Льюис полагает, что в мире рассказов К. Дойла о Холмсе истинно (хотя не выражено эксплицитно), что Холмс носил нижнее белье, не имел трех ноздрей и никогда не летал к спутникам Сатурна. Ведь ««отключить» («усыпить») свойство не значит его отменить. Потенциальные свойства всегда могут быть актуализированы по ходу чтения текста. Во всяком случае, оставаясь несущественными, они отнюдь не становятся несуществующими» [3: 47]. Тем не менее, если оценка истинности того или иного суждения оказывается различной либо неопределенной, то оно считается не имеющим истинностного значения, например, суждение о количестве волос на голове у Шерлока Холмса. Это не противоречит тезису о принципиальной неverifiedируемости художественных произведений, т.к. требование истинности относится не к самому тексту в его отношении к действительности, а к внутренним текстуальным планам в их отношениях друг к другу.

Квазидействительность литературного текста внутри себя повторяет те же планы реальности, которые присущи и обычной действительности: текстуальный – речи, письма персонажей, психический – их мысли и переживания, объективный – внешняя по отношению к персонажам, сообщаемая через их речи и верифицируемая ими, событийность. Связывая три «онтологически разных» (а на самом деле – равно текстуальных) плана «действительности» в художественной реальности текста (вымысла), когерентная истинность этого произведения, главная цель которой – непротиворечиво связать предложения, действует по критериям классической истины. Но всё же, хотя она и играет по правилам истины соответствия, но не является ею, что обнаруживается в тех текстах, которые не стремятся «притворяться», подражать объективной действительности, а потому допускают большие вольности и несоответствия внутри своего содержания, невозможные для повседневного бытия. В любом случае, как бы ни было правдоподобно содержание вымысла, оно остаётся вымыслом. И какой бы классической (будучи когерентной) не представлялась бы истина художественного произведения, она всё равно замыкается исключительно внутри собственной квазидействительности и не способна выйти к действительности, по которой определяют истинность невымышленного текста, чьё содержание, не образуя собой отдельный, художественный мир, а, являясь просто сообщением о действительном мире, верифицируемо в этом качестве: ему есть чему соответствовать. Итак, в вымысле внутренняя ответственность текстуальных реальностей значима лишь для связности (когерентности) текста, допускающей (особенно в иных современных произведениях) намеренную противоречивость элементов (когерентная истина может быть подобна истине соответствия, но не обязана быть!). Сам же вымысел (художественный!) – это не ложь, заблуждение или обман, поэтому не подлежит верификации.

Подобная особенность квазидействительности даёт огромную свободу являющимся ею предложениям: сколь бессмысленными, противоречивыми, несогласованными, несообразными они не были, всё равно они составляют собою «взаправдошность» произведения, с которой приходится считаться. С этим, по мнению Миллера, связана возможность фиктивных людей обладать взаимоисключающими или неопределёнными свойствами, что недоступно обычным людям и потому служит основанием различия с ними. Отсюда несообразности: то Чичиков, разъезжающий летом в шубе у Гоголя, то неясности с наличием детей у леди Макбет в драме Шекспира.

По этим предложениям выверяют правильность суждений о данном произведении, а не их проверяют с точки зрения логики, требований правдоподобия, связности, согласованности и т.п. Они составляют мир, который описывают, и даже если встретится предложение, которое полностью ломает стройную картину мира, нарисованную другими предложениями, то придётся принести в жертву не это предложение, а стройность мира, если не сам мир. Впрочем, иной (особенно несообразный, внутреннепротиворечивый) мир описать проще, чем даже вообразить, что позволяет ему конкурировать со сферой воображения (не представляющей чувственно «круглый квадрат»), к функции экстернизации которой обычно сводят вымысел. Нередко такой мир описывается столь абсурдными предложениями, что и существовать не может и не сможет иначе, чем только в виде предложений о нём.

Таким образом, разница между фактуальными и литературными текстами заключается, прежде всего, в их интенции: воспроизведения ли наличной действительности с

целью передачи максимально достоверной информации о ней, либо воссоздания некой квазидействительности, не наличной вне поля собственной текстуальности, а потому условной и неverifiedируемой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тодоров Ц. Семиотика литературы / Ц. Тодоров // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 702 с.
2. Руднев В. П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста / В. П. Руднев. – М.: Аграф, 2000. – 432 с.
3. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко; пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. – СПб.: «Симпозиум», 2005. – 502 с.

УДК 81'255.4 – 115

*Дубенко О.Ю.
(Київ, Україна)*

АЛЕГОРИЧНА ПЕРСОНІФІКАЦІЯ КРИЗЬ ПРИЗМУ ПОЕТИКИ ПРИРОДНИХ СТИХІЙ

В статті розглянуто один з проявів національно специфічного вибудовування поетичного образу, наявне в англо-американській та українській поетичних картинах світу. На прикладі таких універсально значущих концептів як «сонце, місяць» проаналізовано співвіднесеність поетики роду з поетикою природних стихій в англо-американській та українській традиціях.

Ключові слова: архетип, поетика природних стихій, поетика граматичного роду, поетична картина світу.

В статье рассматривается одно из проявлений национально специфического построения образа, присутствующего в англо-американской и украинской поэтических картинах мира. На примере таких универсально значимых концептов как «солнце, луна» проанализирована соотносённость поэтики рода с поэтикой природных стихий в англо-американской и украинской поэтических традициях.

Ключевые слова: архетип, поэтика природных стихий, поэтика грамматического рода, поэтическая картина мира.

The article deals with one of manifestations of national specific image building in English-American and Ukrainian poetic mappings of the world. It describes the correlations between the gender materialization of such universally relevant concepts as “sun, moon” and the so called poetics of natural elements in different poetic systems.

Key words: archetype, poetics of natural elements, poetics of grammatical gender, poetic mapping of the world.

© Дубенко О.Ю., 2012